

DOI 10.69571/SSPU.2024.90.3.012

УДК 930.2(571.1): 394.014(091)

ББК63.3(253.3)64–2

А.В. КУЗНЕЦОВА,
В.Г. РЫЖЕНКО**ОСОБЕННОСТИ ТРАНСФОРМАЦИИ
ЛОКАЛЬНЫХ КУЛЬТУРНЫХ ПРОСТРАНСТВ
ПОСЕЛЕНИЙ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
В ПЕРИОД ПЕРЕХОДА ОТ СОВЕТСКОЙ
ЭПОХИ К СОВРЕМЕННОСТИ: ОБРАЗЫ
И СИМВОЛЫ ПАМЯТИ О ПРОШЛОМ
(МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)**A.V. KUZNETSOVA,
V.G. RYZHENKO**FEATURES OF THE TRANSFORMATION
OF LOCAL CULTURAL SPACES
OF SETTLEMENTS IN WESTERN SIBERIA
DURING THE TRANSITION FROM
THE SOVIET ERA TO THE PRESENT: IMAGES
AND SYMBOLS OF MEMORY OF THE PAST
(METHODOLOGICAL ASPECT)**

В статье рассматриваются возможности применения междисциплинарной исследовательской модели, соединяющей в себе наработки истории, культурологии, гуманитарной географии, при изучении трансформаций локальных культурных пространств в период перехода от советской к постсоветской эпохе. Использование методик натурного обследования, анализ источников, применение методов устной истории позволили зафиксировать происходившие трансформации применительно к их пространственному распределению в поселениях разных типов (город-миллионник, малый город, рабочий поселок, сельское поселение). Выявлено соотношение мест и фигур памяти национального, регионального и локального значения в культурном пространстве разных типов поселений в изучаемый период.

The article examines the possibilities of applying an interdisciplinary research model combining the achievements of history, cultural studies, and humanitarian geography in studying the transformations of local cultural spaces during the transition from the Soviet to the post-Soviet era. The use of field survey techniques, analysis of sources, and the use of oral history methods made it possible to record the transformations that took place in relation to their spatial distribution in settlements of different types (millionaire city, small town, work settlement, rural settlement). The correlation of places and memory figures of national, regional and local significance in the cultural space of different types of settlements in the studied period was revealed.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: локальное культурное пространство; историческая память; коммеморация; мемориальная культура; фигуры и места памяти; натурное обследование.

KEY WORDS: local cultural space; historical memory; commemoration; memorial culture; figures and places of memory; field survey.

ВВЕДЕНИЕ. Современная ситуация в области социально-гуманитарных наук характеризуется размыванием дисциплинарных границ и продолжением влияния череды так называемых познавательных поворотов — антропологического, культурного, простран-

ственного, мемориального и др. Антропологический поворот позволил развернуться от изучения социально-экономических процессов в сторону микроистории, истории повседневности, оказал влияние и на становление новой локальной истории, для которой характерно изучение региона через изучение регионального сообщества, а также — внимание к пространству и пространственным образам. Культурный поворот привлек внимание историков к важности обращения к культурному контексту.

ЦЕЛЬ статьи — проанализировать особенности трансформации локальных культурных пространств поселений Западной Сибири в период перехода от советской эпохи к современности.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Используются методики натурного обследования, анализ источников, методы устной истории, которые позволили зафиксировать происходившие трансформации применительно к их пространственному распределению в поселениях разных типов (город-миллионник, малый город, рабочий поселок, сельское поселение).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Пространственный поворот привел к изменению понимания категории «пространство»: если раньше оно воспринималось как контекст, то теперь пространство само становится объектом исследования. Мемориальный поворот привлек внимание к проблемам исторической памяти: процессам ее формирования, функциям. Востребованными стали такие направления исследований, как изучение механизмов коммеморации, путей формирования исторических образов в массовой и групповой памяти, в мемориальной политике.

Изучение трансформаций локальных культурных пространств с позиции парадигмы памяти — актуальная тема современных исследований, включающая в себя наработки таких направлений, как новая локальная история, новая культурная история, новая интеллектуальная история, и др. Интересна работа М.Я. Рожанского, рассматривающего Сибирь (в первую очередь, Иркутск) как пространство памяти [11]. Для выявления постсоветских трансформаций ученый привлекает методы устной истории. Уделяется внимание особенностям постсоветской мемориальной культуры и в труде А.В. Святославского [15], который в главе «Мемориальная культура постсоветской эпохи» обращается к таким методам, как «полевые исследования» — опросы и интервью.

Заслуживают внимания исследования Е.И. Красильниковой, посвященные динамике коммемораций в городах Западной Сибири (преимущественно в первой половине XX в.) [8]. Она выделяет две основные формы коммемораций: памятные места (городской исторический некрополь, скульптурные памятники и монументы, установленные в честь исторических деятелей и событий, а также экспозиционно-выставочное пространство краеведческих музеев) и коммеморативные практики (похоронно-поминальные практики, торжества, посвященные годовщинам и юбилеям исторических событий, деятельность музеев, связанная с увековечением памяти). Важной частью исследовательской модели Е.И. Красильниковой тоже стали материалы опросов и интервью.

К сюжетам, связанным с проблематикой памяти на Сибирском материале, обращаются также П.П. Вибе [2; 3], Рыженко В.Г. [14], О.В. Гефнер [4] и др.

Отметим и опыт зарубежных исследователей городских ландшафтов, в частности, авторов сборника научных трудов «P.S. Ландшафты: оптики городских исследований» [10]. Авторы обращаются к изучению постсоветского городского пространства, уделяется внимание проблемам памяти/забвения о советском прошлом, реализованном в ландшафте городов. Помимо этого, поднимается вопрос о степени влияния постсоветских трансформаций городского пространства на сельские поселения.

В фокусе нашего исследования — выявление основных черт и динамики трансформаций локального культурного пространства поселений Западной Сибири в конце XX — начале XXI вв. Основанием для выборки поселений стало особое влияние Дороги как «живого», ди-

намично меняющегося места памяти и важного фактора трансформаций социокультурного ландшафта. Выбор конкретных поселений в качестве объекта исследования связан с их местоположением на транспортных и/или торговых путях сообщения, а также с их символической ролью в региональном пространстве Западной Сибири. Мы обращаемся к культурному пространству двух городов-миллионников Западной Сибири, на темпы развития которых оказала особое влияние Сибирская железная дорога (Омск и Новосибирск), двух малых городов, большое значение для развития которых оказал Московско-Сибирский тракт, а в дальнейшем — строительство Транссиба (Барабинск и Куйбышев (Каинск) Новосибирской области). В качестве зоны притяжения к Московско-Сибирскому тракту рассматривается специфическое локальное поселение — деревня Окунево Муромцевского района Омской области; а также рабочий поселок Большережье, в которых под воздействием разных социокультурных процессов, практик и различными способами активно развивается туристическая деятельность.

Наибольшее влияние на выбор методологической стратегии нашего исследования оказали ряд концепций. В частности, теория П. Нора о «местах памяти» [16]. «Места памяти», по определению П. Нора, это «всякое значимое единство, материального или иного порядка, которое воля людей или работа времени превратили в символический элемент наследия памяти некоторой общности» [16, с. 79]. При этом «местом памяти» могут быть не только собственно места, но и люди, празднества, топонимические наименования, здания и т. д.

Еще одной опорой стала созданная В. Г. Рыженко модель изучения образа города, в которой в качестве опорного элемента матрицы образа используется понятие «культурно-цивилизационный ландшафт». Согласно данной концепции, связи между различными элементами матрицы образа города и их преобразования обеспечивает целенаправленная деятельность людей [13, с. 12–17]. Также значимой для нас стала условная типология «фигур памяти» в пространстве регионов, в рамках которой обозначены три уровня: фигуры и места общегосударственной значимости, отражающие национально-государственную версию исторической памяти; фигуры и места регионального значения, направленные на конструирование региональными элитами особой региональной идентичности, «бренда региона»; и фигуры локального значения, в которых выражается местная коллективная или индивидуальная идентичность, конструируемая «снизу», преимущественно без участия региональных элит [12].

Помимо этого, мы опирались на концепцию общегородской «loci-совокупности», разработанную А. В. Дахиным [6]. Понятием общегородская «Loci-совокупность» А. В. Дахин обозначает совокупность известных горожанам мест (loci), являющихся частью общегородской идентичности.

Для выявления и систематизации знаковых мест локального культурного пространства выбранных поселений применялись методы гуманитарной географии, представленные в работах основателей этого направления — Д. Н. Замятина [7] и И. И. Митина [9]. В частности, разработанная И. И. Митиным модель составления комплексной культурно-географической характеристики территории, включающая в себя:

- представление территории как совокупности признаков;
- отбор доминантных признаков места, которые определяют его специфику и объединяют вокруг себя менее значимые признаки;
- выявление связей доминантных и второстепенных признаков, а также их контекстов;
- построение иерархической схемы места: от доминантных признаков к второстепенным [9, с. 16].

Также в ходе исследования применялись элементы натурного обследования, разработанные на основе наследия И. М. Гревса [5] и Н. П. Анциферова [1] и топографического метода К. Шлэгеля [17]. Они соединяют методики «включенного наблюдения» и натурных обследований в терминологию «исследовательских экскурсий». Применялись также методы устной истории, в частности, анкетирование.

Применительно к городам-миллионникам была использована методика раскладываемости локального пространства (в терминологии петроградско-ленинградской экскурсионистики 1920-х гг. — изучение города «по частям»). Для малого города — топографическое обследование исторического центра. Для сельского поселения — методика натурального обследования в совокупности с анкетированием.

В качестве источников нами привлекалась местная периодическая печать; визуальные материалы, как уже существующие, так и создаваемые нами в ходе натуральных обследований; неопубликованные материалы — в частности, фонды редакций местных газет, содержащие письма читателей; интернет-ресурсы (новостные сайты, краеведческие порталы, тематические группы в социальных сетях); справочные издания; туристические путеводители; а также устные источники — материалы проведенного анкетирования жителей и туристов деревни Окунево Омской области.

Таким образом, оформилась междисциплинарная историко-культурологическая модель изучения трансформаций локальных культурных пространств поселений разных типов в переходный период. Использование методик натурального обследования позволило зафиксировать происходившие трансформации применительно к их пространственному распределению в поселениях разных типов. Проверена и подтверждена гипотеза о степени влияния типа поселения на темпы и специфику трансформаций локальных культурных пространств. Выявлено соотношение мест и фигур памяти национального, регионального и локального значения в культурном пространстве разных типов поселений в изучаемый период.

Проведенный анализ показал, что в городах в процессе увековечивания исторических событий и имен по-прежнему преобладает национально-государственная версия исторической памяти: создаются памятники и мемориалы, посвященные героям войн и крупным государственным деятелям. Память о событиях Великой Отечественной войны к середине 2000-х гг. стала главным объединяющим звеном между советским прошлым и современностью, подтверждающим правопреемственность современной Россией достижений СССР. Места памяти, связанные с Великой Отечественной войной, поддерживаются в удовлетворительном состоянии, что отличает их от памятников, посвященных истории Революции и Гражданской войны.

Помимо этого, в 1990-е гг. начинают появляться памятники и мемориалы, увековечивающие память о политических репрессиях, локальных конфликтах и катастрофах XX в. Новым явлением стали попытки более объективного взгляда на события Гражданской войны и революции, выразившиеся в увековечивании памяти о героях «Белого движения» (это выразилось, например, в установке мемориальной доски А.В. Колчаку в Омске в 2019 г., или появлении новой экспозиции в мемориальном музее В.В. Куйбышева в Куйбышеве, посвященных истории Гражданской войны со стороны Белого движения). Все это относится к первому уровню в матрице иерархии «фигур памяти»: к фигурам национально-государственного значения. Еще одним направлением государственной политики памяти является общероссийская постсоветская тенденция воссоздания разрушенных храмов, возвращения церкви храмовых зданий (например, в 1990 г. Церкви был возвращен Иоанно-Предтеченский храм в Куйбышеве, в здании которого в советский период размещался краеведческий музей).

Для малых городов характерен рост интереса к сохранению старой архитектуры и памятников деревянного зодчества (что относится уже к местам памяти регионального значения). К этому же уровню можно отнести появление новых мест памяти, связанных с деятелями науки и искусства, что характерно для городов обоих типов. В качестве примера можно привести памятник Д.К. Беляеву, крупному ученому-генетику, установленный в Новосибирске в 2017 г., или фигуру памяти, которой стал П.В. Мартыненко в Куйбышеве (скульптор, участник Великой Отечественной войны, почетный гражданин города);

В 2000-е гг. начинают активно создаваться памятные места, инициированные «снизу»: например, памятник электромонтеру на фонарном столбе в Новосибирске, установленный

в 2013 г. рядом с офисом Новосибирских городских электрических сетей), аллеи и скверы (например, аллея Учителя, созданная в Новосибирске в 2020 г.), «народная» топонимика (как пример — «Нефты» — народное название района городка нефтяников в Омске, или «Богданка/Богдашка» — улица Богдана Хмельницкого в Новосибирске и в Омске).

Для малых городов и рассмотренных сельских поселений характерно появление мест памяти, связанных с общей стратегией конструирования бренда региона, с целью развития его туристической привлекательности. В частности, характерной чертой выявленных трансформаций пространства Куйбышева в изучаемый период можно считать возвращение памяти о его дореволюционном «купеческом» прошлом. Применительно к Барабинску, более характерно стало стремление увековечить и подчеркнуть значение для города Транссибирской железнодорожной магистрали. В рабочем поселке Большеречье формирование бренда территории строится вокруг развития историко-культурного музея-заповедника «Старина Сибирская», а также единственного в России сельского зоопарка. Для специфического сельского поселения — деревни Окунево — трансформация пространства оказалась наиболее значительной. Здесь практически не осталось мест памяти, связанных с советским периодом, а новые конструируются в соответствии со спецификой этого места.

Проведенное исследование показало, что каждому из рассмотренных типов поселений присуща собственная специфика трансформаций культурного пространства в условиях перехода от советской эпохи к образам и символам современной России. Для городов обоих типов подтверждено достаточно «мирное» сосуществование дореволюционной, советской символики памяти о прошлом, и современных тенденций. Причем в малых городах это сосуществование представляется более заметным и более органичным.

ВЫВОДЫ. В заключение отметим, что опыт применения междисциплинарной историко-культурологической модели при изучении трансформаций локального культурного пространства поселений в переходный период показал ее жизнеспособность и эффективность. В ходе работы были выявлены новые перспективы и возможные ракурсы для продолжения и углубления работы над данной темой: в частности, за счет расширения базы источников применительно к уже выбранным поселениям (материалов анкетирования, привлечение источников личного происхождения и др.), а также расширения территориальных рамок исследования — включения других поселений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анциферов Н.П. Пути изучения города, как социального организма. Опыт комплексного подхода. Л.: Сеятель, 1925. 151 с.
2. Вибе П.П. Монументальная история Омска: загадки и новые открытия. Омск: ОГИК музей, 2019. 68 с.
3. Вибе П.П. Омск в годы Гражданской войны: мифологизация в пространстве публичной истории. Омск: ОГИК музей, 2020. 56 с.
4. Гефнер О.В. История страны в памятниках современного Новосибирска // Электронный научно-методический журнал Омского ГАУ. 2019. № 3. URL: <http://e-journal.omgau.ru/images/issues/2019/3/00761.pdf>. Дата обращения: 16.03.2022
5. Гревс И.М. Очередные задачи краевого культуроведения // Краеведение. Т.V. 1928. № 6. С. 368–376
6. Дахин А.В. Город как место памятования // Аналитика культурологии. № 19, 2011. Тамбов: Изд-во Тамбовского гос. ун-та им. Г.Р. Державина, 2011. С. 164–172
7. Замятин Д.Н. Гуманитарная география: пространство, воображение и взаимодействие современных гуманитарных наук // Социологическое обозрение. Т. 9, № 3. 2010. С. 26–50
8. Красильникова Е.И. Помнить нельзя забыть? Памятные места и коммеморативные практики в городах Западной Сибири (конец 1919 — середина 1941 г.). Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2015. 572 с.

9. Митин И.И. Методика комплексной культурно-географической характеристики территории: Автореферат дис. ... канд. геогр. наук.:25.00.24 / Митин И.И. Москва, 2007. 25 с.
10. P.S. Ландшафты: оптики городских исследований: сб. науч. трудов /отв. ред. Н Милерюс, Б. Коуп. Вильнюс: ЕГУ, 2008. 474 с.
11. Рожанский М.Я. Сибирь как пространство памяти. Иркутск: «Оттиск», 2013. 180 с.
12. Рыженко В.Г. Историческая наука, регионоведение, культурология: возможности кооперации вокруг проблемы «присвоения прошлого» // Историческая наука сегодня: теории, методы, перспективы / под ред. Л.П. Репиной. М.: Издательство ЛКИ, 2011. С. 339–340
13. Рыженко В.Г. Образы и символы советского города в современных исследовательских опытах: региональный аспект: монография. Омск: изд-во Ом. гос. ун-та, 2010. 340 с.
14. Рыженко В.Г. Фигуры и символы памяти о прошлом в локальном культурном пространстве Западной Сибири (конец XX — начало XXI в.): Ишимская версия // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки, 2019, № 1 (21). Омск: ОмГУ, 2019. С. 134–141.
15. Святославский А.В. История России в зеркале памяти. Механизмы формирования исторических образов. М.: Древлехранилище, 2013. 592 с.
16. Франция-память / П.Нора, М.Озуф, Ж. де Пюимеж, М.Винок / Пер. с фр.: Дина Хапаева. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999, 328 с.
17. Шлёгель К. Постигаю Москву. М.: Российская политическая энциклопедия, 2010. 311 с.

REFERENCES

1. Anciferov N.P. *Puti izucheniya goroda, kak social`nogo organizma Opy`t kompleksnogo podxoda* [Ways of studying the city as a social organism. The experience of an integrated approach]. L.: Seyatel`, 1925. 151 s. (In Russian).
2. Vibe P.P. *Monumental`naya istoriya Omska: zagadki i novy`e otkry`tiya* [The monumental history of Omsk: riddles and new discoveries]. Omsk: OGIK muzej, 2019. 68 s. (In Russian).
3. Vibe P.P. *Omsk v gody` Grazhdanskoj vojny`: mifologizaciya v prostranstve publichnoj istorii* [Omsk during the Civil War: mythologization in the space of public history]. Omsk: OGIK muzej, 2020. 56 s. (In Russian).
4. Gefner O.V. *Istoriya strany` v pamyatnikax sovremennogo Novosibirsk* [The history of the country in the monuments of modern Novosibirsk] // E`lektronny`j nauchno-metodicheskij zhurnal Omskogo GAU. 2019. № 3. URL: <http://e-journal.omgau.ru/images/issues/2019/3/00761.pdf>. Data obrashheniya: 16.03.2022. (In Russian).
5. Grevs I.M. *Ocheredny`e zadachi kraevogo kul`turovedeniya* [The next tasks of regional cultural studies] // Kraevedenie. T.V. 1928. № 6. S. 368–376. (In Russian).
6. Daxin A.V. *Gorod kak mesto pamyatovaniya* [The city as a place of remembrance] // Analitika kul`turologii. № 19, 2011. Tambov: Izd-vo Tambovskogo gos. un-ta im. G.R. Derzhavina, 2011. S. 164–172. (In Russian).
7. Zamyatin D.N. *Gumanitarnaya geografiya: prostranstvo, voobrazhenie i vzaimodejstvie sovremenny`x gumanitarny`x nauk* [Humanitarian geography: space, imagination and interaction of modern humanities] // Sociologicheskoe obozrenie. T.9, № 3. 2010. S. 26–50. (In Russian).
8. Krasil`nikova E.I. *Pomnit` nel`zya zabyt`? Pamyatny`e mesta i kommemorativny`e praktiki v gorodax Zapadnoj Sibiri (konec 1919 — seredina 1941 g.)* [Is it impossible to remember and forget? Memorable places and commemorative practices in the cities of Western Siberia (late 1919 — mid-1941)]. Novosibirsk: Izd-vo NGTU, 2015. 572 s. (In Russian).
9. Mitin I.I. *Metodika kompleksnoj kul`turno-geograficheskoj xarakteristiki territorii* [Methodology of complex cultural and geographical characteristics of the territory]: Avtoreferat dis. ... kand. geogr. nauk.:25.00.24 / Mitin I.I. Moskva, 2007. 25 s. (In Russian).
10. P.S. *Landshafty`: optiki gorodskix issledovanij* [P.S. Landscapes: optics of urban research: collection of scientific works]: sb. nauch. trudov /otv. red. N Mileryus, B. Koup. Vil`nyus: EGU, 2008. 474 s. (In Russian).

11. Rozhanskij M. Ya. *Sibir` kak prostranstvo pamyati* [Siberia as a memory space]. Irkutsk: «Ottisk», 2013. 180 s. (In Russian).
12. Ry`zhenko V. G. *Istoricheskaya nauka, regionovedenie, kul`turologiya: vozmozhnosti kooperacii vokrug problemy` «prisvoeniya proshlogo»* [Historical science, regional studies, cultural studies: possibilities of cooperation around the problem of «appropriation of the past»] // *Istoricheskaya nauka segodnya: teorii, metody`, perspektivy` / pod red. L. P. Repinoj*. M.: Izdatel`stvo LKI, 2011. S. 339–340. (In Russian).
13. Ry`zhenko V. G. *Obrazy` i simvolyy` sovetskogo goroda v sovremenny`x issledovatel`skix opy`tax: regional`ny`j aspekt* [Images and symbols of the Soviet city in modern research experiments: regional aspect]: monografiya. Omsk: izd-vo Om. gos. un-ta, 2010. 340 s. (In Russian).
14. Ry`zhenko V. G. *Figury` i simvolyy` pamyati o proshlom v lokal`nom kul`turnom prostranstve Zapadnoj Sibiri (konecz XX — nachalo XXI v.): Ishimskaya versiya* [Figures and symbols of memory of the past in the local cultural space of Western Siberia (late XX — early XXI century): Ishim version] // *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki*, 2019, № 1 (21). Omsk: OmGU, 2019. S. 134–141. (In Russian).
15. Svyatoslavskij A. V. *Istoriya Rossii v zerkale pamyati. Mexanizmy` formirovaniya istoricheskix obrazov* [The history of Russia in the mirror of memory. Mechanisms of formation of historical images]. M.: Drevlexranilishhe, 2013. 592 s. (In Russian).
16. *Franciya-pamyat`* [France-memory] / P. Nora, M. Ozuf, Zh. de Pyuimezh, M. Vinok / Per. s fr.: Dina Xapaeva. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 1999, 328 s. (In Russian).
17. Shlyogel` K. *Postigaya Moskvu* [Comprehending Moscow]. M.: Rossijskaya politicheskaya e`nciklopediya, 2010. 311 s. (In Russian).